

поручал «написать книжным добрым ево письмом» книгу Исуса Навина «про ево архиерейскую потребу». Писцу было выдано две дести бумаги книжной, а писать ему было приказано «в Сийском монастыре немедленно». Одновременно сийскому игумену Афанасий приказывал, «чтобы Трофиму Сергееву отвели для того письма особое угодное место и велели ему ту книгу писать прилежно и в монастырские ваши иные труды от того письма нигде ево не отвлачили». ⁶⁴ И в другой грамоте, адресованной в Соловецкий монастырь в связи с переводом туда обвинявшегося в различных крамолах иеродиакона Иова, Афанасий называет лишь два конкретных помещения, где монаху Иову возможно было позволить заниматься «прочим монахам в объявление» перепиской и переводом книг: трапезная и кельи архимандрита или келаря, названных лиц «за присмотром, а не скрытно». ⁶⁵ Термин «книгописная палата» в грамотах Афанасия не встречается, видимо, и особого помещения, предназначенного лишь для переписки рукописей в архиерейском доме, подробное описание которого сохранилось, не существовало.

Тем не менее в конце XVII в. при Холмогорском архиерейском доме в результате личной предприимчивости большого любителя книги архиепископа Афанасия широко велась переписка рукописей с соблюдением необходимых правил в текстологии, письме и оформлении книги. Это позволяет утверждать, что там при Афанасии сложилось определенное направление в книгописании — школа, оказавшая в дальнейшем влияние на развитие северорусской рукописной книжности в целом.

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

ОФОРМЛЕНИЕ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ И МЕНЫ В ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ НОВГОРОДА И ПСКОВА

В течение тех нескольких столетий средневековой торговли Новгорода и Пскова с Западом, когда их почти единственными контрагентами были купцы северогерманских городов, объединившихся в XIV в. в Ганзейский союз, ¹ развились очень своеобразные формы товарообмена, породившие соответствующий им способ оформления договоров купли-продажи и мены. Развитию

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1196, оп. 2, 1701 г., № 75; Верюжский, стр. 598.

⁶⁵ Верюжский, стр. 592.

¹ До окончательного сложения Ганзы как союза торговых городов балтийской торговлей немецких купцов руководило их объединение, имевшее свой центр на о. Готланд, перекрестке важнейших морских путей Балтики.

формы этих договоров от начала новгородско-немецкой торговли в XII в. до начала Ливонской войны в XVI в. и посвящен настоящий обзор.

Специальных работ по этой теме не существует. Вопрос об оформлении торговых сделок в русско-немецкой средневековой торговле затрагивался только в общих трудах по истории торговли, торгового права и дипломатики, на которые по ходу дальнейшего изложения будут даны соответствующие ссылки.

Оригиналов или копий договоров купли-продажи русских купцов с немецкими XII—XV вв. не сохранилось, так как большинство торговых сделок оформлялось устно, без письменной фиксации. Составление формального акта требовалось только тогда, когда купля-продажа была связана с какими-нибудь условными условиями (кредит, поставка и т. п.). Дипломатика русского частного акта феодального периода имеет дело главным образом с купчими грамотами, объектом которых являются земельные угодья. Крайне редки в нарративных источниках средних веков подробные описания процедуры оформления торговых сделок; это считалось общеизвестным, об этом без особой надобности не писали.

Некоторый материал для разработки нашей темы содержат договоры русских городов с западными, Псковская судная грамота и отдельные сохранившиеся письма новгородских властей ливонским городам по поводу торговых конфликтов.²

Несколько богаче западные источники. К ним относятся устав (скра) ганзейского гостиного двора св. Петра в Новгороде,³

² См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.—Л., 1949 (далее — ГВНП); Памятники русского права, вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси, XII—XV вв., М., 1953.

³ Тексты всех семи редакций скры изданы В. Шлютером: В. Шлютер. Новгородская скра в семи редакциях от XIII до XVII в. Юрьев, 1911 (титальный лист также и на немецком языке). В 1914 г. вышел отдельным изданием дополнительный том со словарем и предметным, именным и географическим указателями к текстам скры, очень облегчающий работу над ними: W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert (Register), Dorpat, 1914. Текст второй редакции скры по копенгагенскому списку был напечатан с приложением переводов на русский и современный немецкий языки с указанием вариантов из других списков И. Е. Андреевским в кн.: И. Андреевский. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году, СПб., 1855. Следует учесть, что разбивка на статьи текста скры у И. Андреевского и у В. Шлютера разные. Статьи 1—86 у Андреевского соответствуют статьям 1—64 (стр. 50—112) у Шлютера, а статьи 87—110 соответствуют статьям 2—17 «Постановлений Объединения немецких купцов на Готланде для гостиного двора в Новгороде начала XIV века» на стр. 116—121 издания Шлютера. Третья скра впервые была издана с приложением перевода на русский язык по единственному ее хранящемуся в Любеке списку П. Талем: Павел Таль. Третья Новгородская скра (ок. 1325 г.). М., 1905. Так как разбивка текста на статьи у Талья и Шлютера не совпадает, то в изда-

решения и постановления съездов ганзейских и ливонских городов, их переписка, а также судебные решения по торговым делам магистратов Любека и Таллина (Ревеля).⁴

С самого начала здесь следует напомнить о тех своеобразных условиях, в которых развивалась русско-немецкая торговля Новгорода и Пскова. Во-первых, это была торговля, которую вели купцы ганзейских городов монопольно, без какой-либо заметной конкуренции со стороны купцов других западных стран. Во-вторых, эта торговля была строго регламентирована постановлениями ганзейских съездов, причем эта регламентация происходила в интересах крупных купцов Любека и других городов, определявших торговую политику всего Ганзейского союза. В-третьих, эта торговля велась в стенах экстерриториальных гостиных дворов с собственной юрисдикцией, где рядовые ганзейские купцы вынуждены были торговать под неукоснительным надзором администрации двора и товарищей и не имели ни права, ни возможности проявить инициативу, чтобы нарушить установленные Ганзой принципы в пользу какого-нибудь выгодного им нового прогрессивного порядка торговли. В силу ряда причин, разбор которых выходит за пределы нашей темы, ганзейская олигархия была заинтересована законсервировать в своих гостиных дворах на Руси вплоть до XVI в. те формы товарообмена, которые сложились

нии Шлютера в каждом случае расхождения указан в квадратных скобках номер соответствующего параграфа у Таля. Переводы текстов скры И. Е. Андреевского и П. Таля соответствуют уровню развития науки тех лет, когда они были сделаны, но при их использовании в наши дни следует постоянно учитывать новые данные науки о языке, на котором написана скры, и о реалиях, с которыми она имеет дело. При дальнейшем цитировании текстов скры по изданию В. Шлютера после указания страницы римская цифра обозначает редакцию скры, а последующая арабская — статью. Для удобства приводим здесь датировку отдельных редакций скры: I — около 1270 г., II — 1295 г., III — около 1325 г., IV — 1361 г., V — конец XIV в., VI — 1514 г., VII (проект, возникший в связи с переговорами любекского посольства с Борисом Годуновым) — 1603 г.

⁴ Интересующие нас материалы рассеяны по страницам многотомных публикаций актов и переписки ганзейских городов, как *Hanserezesse* (далее — HR), 4 Abt., 25 Bde, Leipzig, 1870—1941; *Hansisches Urkundenbuch* (далее — HUB), Bd. I—XI, Halle—Leipzig, 1876—1916; *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch* (далее — LUB), 1. Abt., Bd. I—XII, Reval—Riga—Moskau, 1853—1910; 2 Abt., Bd. I—III, Riga—Moskau, 1900—1910. Приговоры и решения апелляционных магистратских судов опубликованы в книгах: A. L. J. Michelsen. *Der ehemalige Oberhof zu Lübeck und seine Rechtsprüche*. Altona, 1839; Wilh. Ebel. *Lübisches Kaufmannsrecht vornehmlich nach Lübecker Ratsurteilen des 15.—16. Jhs.* Der Göttinger Arbeitskreis. Veröffentlichung Nr. 37, Göttingen, 1950; *Lübecker Ratsurteile*, hrsg. von Wilh. Ebel, Bd. I (1421—1500), Göttingen, 1955; Wilh. Ebel. *Das Revaler Ratsurteilbuch (Register von affsproken) 1515—1554.* Der Göttinger Arbeitskreis. Veröffentlichung Nr. 64, Göttingen, 1952.

в первые века русско-немецкой торговли (XII—XIII вв.) и были для того времени естественными и оправданными, но позже стали архаизмами.

Главнейшим из архаичных принципов, которых придерживалось ганзейское руководство при организации своей торговли на Руси, было признание законной лишь меновой торговли, обмена товара на товар, а не товара на деньги. К XV в. такой способ торговли уже устарел и стал тормозом для дальнейшего развития купеческой деятельности. Рядовые немецкие купцы, торговавшие с русскими, начали его нарушать, и ганзейскому руководству приходилось неоднократно возобновлять в постановлениях своих съездов запрет иной торговли, кроме меновой, и включить такой запрет в 1466 г. в дополнения к скре пятой редакции. Там записано, «что никто под угрозой конфискации товара не должен торговать сукнами, как только в обмен на пушнину, воск или другие товары, как это велось исстари».⁵ И шестая редакция скре, составленная в 1514 г. после возобновления ганзейской торговли в Новгороде, предписывает купцам торговать, «обменивая товар на товар», за нарушение этого предписания полагался штраф в 10 марок.⁶ Еще в 1577 г. один из руководящих деятелей города Любека рекомендовал вернуться в торговле с русскими к старой системе меновой торговли.⁷

Если из русских исследователей М. Бережков считал возможным утверждать, что ганзейским купцам разрешалось торговать с русскими на деньги,⁸ то А. И. Никитский, подытоживший в своем исследовании экономического быта Новгорода очень большое число источников, дает характеру новгородско-ганзейской торговли следующее определение: «... в строгом смысле торг должен быть по-справедливости назван меновым».⁹ Это определение сохраняет свою силу и сегодня.

Вторым кардинальным принципом Ганзы, ставшим в XV в. также архаичным, соблюдения которого, однако, она настойчиво добивалась в течение всей своей торговой деятельности в Новгороде, был абсолютный запрет всякого рода сделок, включавших в себя явный или скрытый кредит. Статья, не допускавшая в отношениях немцев с русскими кредита, включена уже во вто-

⁵ «... dat nemand sall laken setten up reid anders dan in bute, so dat van oldinges hefft gewest... vor werck, waz edder ander war, by vorboringe des gudes» (В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 174, V, 141).

⁶ «... he mach maken sine rekenschop bute gegen bute...» (В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 193, VI, 69). Подробнее см.: L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, SS. 354—357.

⁷ L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte..., S. 358.

⁸ М. Бережков. О торговле Руси с Ганзой. СПб., 1879, стр. 144.

⁹ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 151.

рую редакцию скры.¹⁰ Статьи с аналогичным содержанием повторяются во всех редакциях скры, включая и проект 1603 г.¹¹

Рядовые купцы ганзейских городов прекрасно сознавали, что кредит является наивернейшим стимулятором расширения и интенсификации торговых связей, поэтому они, где было возможно, пытались обойти этот запрет. Такое положение делало необходимым его постоянное возобновление со стороны ганзейских съездов. Так, например, съезд в Гамбурге в 1465 г. вновь подтвердил следующее решение, четко формулирующее, как должна происходить торговля с русскими: «А так как много поступает жалоб на то, что ганзейские купцы торгуют с русскими не наличный товар за наличный товар, то поэтому вышеназванные господа послы магистратов постановили и единогласно решили, что ни один купец вышеназванной Ганзы не должен торговать с русскими иначе, как в обмен наличного товара на наличный, так чтобы товары обеих сторон были перед глазами, как это значится в старых постановлениях».¹²

Имея постоянно в виду эти два основных принципа торговли Ганзы с Русью (признание только меновой торговли и полный запрет кредита), и следует рассматривать способ оформления договора купли-продажи, вернее мены, сложившийся в немецких гостинных дворах Новгорода и Пскова. Так как устава ганзейского

¹⁰ В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 68, II, 10; И. Андреевский. О договоре Новгорода..., стр. 56, статья 28. Здесь следует уточнить перевод. И. Андреевский пишет, что никакой немецкий купец не должен «ничего занимать» (ghut borchen) у русских; более точным является «не брать товара в кредит», так как ghut здесь обозначает «товар».

¹¹ В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 69, III, 10; стр. 127, V, 3; стр. 180, VI, 10; стр. 211, VII, 3; П. Таль. Третья Новгородская скра..., стр. 18—19, статья 12. Перевод Талья первой части этой статьи — «Никто из немецких купцов не должен покупать товар у русского по рыночной таксе, которая еще не состоялась, и должно все уплачивать наличными деньгами» — следует признать неудачным. Дело в двух терминологических оборотах из области торгового языка того времени: 1) *uppe ene settinge des markedes, de noch schen scal* и 2) *reede umme reede*. Первый оборот, по В. Шлютеру, имеет смысл *auf Terminzahlung*, т. е. «с оплатой в [какой-то договоренный] срок» [W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra... (Register), S. 55, unter settinge], следовательно, является синонимом к словам «в кредит». Второй оборот обозначает «наличный товар на наличный товар». Таким образом, точный перевод разбираемого предложения: «Никто из немецких купцов не должен покупать товар у русского с оплатой в [договоренный] срок, но он должен давать ему наличный товар за наличный товар».

¹² «Unde went denne vele clage darvan komen, dat de kopman van der hense mit den Russen kopen nicht rede umme reede, hrumme hebben de vorgescrevenen heren radessendeboden geordineret unde endrachteliken gesloten, dat nen kopman van der vorscrevenen hansenze mit den Russen schol kopslagen in bute dan rede umme reede, so dat ene gud vor oghen sii bii dem anderen, so de olden recesses... begrepen» (HR, 2. Abt., Bd. V, Leipzig, 1888, Nr. 712, § 46; LUB, Bd. XII, Riga—Moskau, 1910, Nr. 350). Подробнее о запретах Ганзы торговли в кредит см.: L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte..., SS. 361—369.

двора в Пскове не сохранилось, то о положении в нем можно судить только по аналогии с данными из Новгорода. Материал для последнего содержат разновременные редакции скры двора св. Петра.

Скры новгородского немецкого подворья — односторонний документ, предписывающий под угрозой строгих наказаний определенное поведение и действия только немецким купцам, но они фиксируют устоявшиеся торговые обычаи и позволяют получить все же некоторое представление о действиях купцов при осуществлении мены товаров, хотя в силу его односторонности некоторые действия именно русских купцов остаются в них неотраженными.

На основании статей скры действия немецкого купца, прибывшего в Новгород для торговли, сводились к следующему. Выходя со двора для контактов с русскими купцами, он обязательно должен был иметь с собой свидетеля, причем свидетелями не могли быть его родственники, компаньоны и слуги. Свидетель не имел права перебивать сделку в течение трех дней, если пригласивший его купец сам не уступал ему права покупки.¹³ Здесь остается неясным, имел ли русский купец также свидетелей со своей стороны.

В течение этих трех дней могли происходить взаимный осмотр товаров, установление их качества и, самое главное, оценка и определение качества товара каждой стороны, подлежащего обмену. При осмотре товара, чтобы найти в нем скрытые недостатки, немцы в Новгороде были в более выгодном положении, чем русские купцы. Скра не разрешала немцам выносить с территории двора товар для того, чтобы их русские контрагенты могли его внимательно рассмотреть в своих собственных помещениях. Осмотр интересующих их товаров они могли производить только в немецком подворье.¹⁴ Немцы же считали одной из самых важных своих привилегий в Новгороде право брать русские меха к себе во двор для их предварительного осмотра.¹⁵

Осмотр товаров имел потому первостепенное значение, что на основании торгового обычая и соответствующих статей скры

¹³ «Vortmer neman scal gan up enen kop allene mit sime brodere eder mit sime kumpane van gelde eder mit sime knechte, bi X marken.

«Vortmer de man, de mit dem anderen up enen kop geit, de ene scal den cop nicht copen binnen dren dagen, he ene hebbet mit vulbort des anderen, bi X marken» (В. Ш л ю т е р. Новгородская скра..., стр. 142, IV, 60; ср. стр. 187, V, 43).

¹⁴ «Vortmer neman scal den Russen sulver to hus bringen bi X marken, eder ander gut bi I marc» — «Далее, никто не должен приносить на дом русским серебра под штрафом в X марок или другого товара под штрафом 1 марку» (В. Ш л ю т е р. Новгородская скра..., стр. 143, IV, 63 и V, 73, но уже без упоминания серебра в качестве товара).

¹⁵ «...dit is unser grosten vrigheit ein, de wi hebben mit den Russen, dat wi dat werk mogen nehmen unde beseen dat in unser sulves were» (LUB, Bd IV, Reval, 1859, Nr. 379).

сделка считалась окончательной и необратимой, после того как русский покупатель принял у немца товар и вынес его за порог двора. Никакие претензии на качество товара по обнаруженным уже после его выноса недостаткам больше не принимались продавцом. Во всех редакциях скры (начиная с IV и кончая проектом 1603 г.) мы находим статью, устанавливающую, что за товар, принятый русским у немца и вынесенный за порог двора, несет полную ответственность один лишь русский покупатель.¹⁶ О том, что эта норма была вообще характерной для русско-немецкой средневековой торговли, проводимой в особых гостинных дворах, подтверждает текст договора Смоленска с Ригой и Готландом (1229 г.), древнейший документ, содержащий указания на процедуру купли-продажи в русско-немецкой торговле. Там в одной из редакций зафиксировано: «Аже Русин кушит у Латиньского человека товар, а возметъ к себе, тотъ Латиньскому не взяти товара навспячь, Русину тому платити. Тако Русину не взяти у Латиньского товара своего оиць, платити ему».¹⁷

О способе установления эквивалентных количеств товара каждой стороны, подлежащих обмену, можно судить по дошедшему до нас описанию этой процедуры, но, правда, не в Новгороде. Это описание относится к торговой сделке, совершенной тремя любекскими купцами в городе Риге в 1468 г. Они выменяли у русского купца воск за сукна. Так как рижские власти их обвинили в получении недозволенных им наддач, они вынуждены были изложить на допросе свои действия при этой сделке. Они заявили, что «действовали согласно постановлениям и оценивали свои сукна в рублях, а воск русских также в рублях и на основе такой [оценки] торговали».¹⁸ По-видимому, и в Новгороде товар обеих сторон оценивался в новгородских рублях. По крайней мере Л. К. Гетцу не удалось найти другого масштаба цен в русско-немецкой торговле до XVI в.¹⁹ И это естественно, русские платежные слитки, состоявшие из чистого серебра, были более стойкой валютой по сравнению с западноевропейскими чеканенными серебряными деньгами, постоянно обесценивавшимися из-за умышленного увеличения в монетном сплаве доли неблагородных металлов.

¹⁶ «Vortmer wat de Russe van den Dudeschen unfeyt, wanne it over den sulle des hoves kumt, so scal et gan uppe des Russen eventure» (В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 142, IV, 62).

¹⁷ Памятники русского права, вып. 2, М., 1953, стр. 65, статья 21 второй редакции. Статью аналогичного содержания мы находим и в грамоте о торговом соглашении Смоленска с Ригой, датированном 1230—1270 гг. (там же, стр. 75, статья 17).

¹⁸ «Wii hebben na den geboden gedan unde hebben unse lakene up stuccke gesat, den Russen er was wedder up stuccke unde hebben darna koepsлагет» (LUB, Bd. XII, Nr. 621).

¹⁹ L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte..., S. 356.

При всех этих предварительных процедурах обе стороны торговались и рядились до изнеможения. Немцы при этом старались выторговать себе сверх положенного по оценке количества товара еще добавки к нему, так называемые наддачи (*urgift*).

Наконец наступал момент окончательного оформления сделки. Обе стороны выражали перед свидетелем (свидетелями) свое согласие с условиями сделки, и она закреплялась рукобитием. О последнем символическом действии можно говорить с очень большой долей вероятности для всех периодов русско-немецкой торговли, хотя об этом сохранилось лишь известие XVI в.²⁰ Правда, скра содержит статью, перенесенную в ее третью редакцию из кодекса любекского права, в которой идет речь о скреплении сделки дачей покупателем продавцу символического задатка в виде мелкой монеты, так называемого «божьего пфеннига» или «пфеннига святого духа» (*des hilligen geistes penning*).²¹ Но этот обычай католического Запада вряд ли применялся в русско-немецкой торговле, скорее всего имел значение только при торговых сделках немецких купцов между собой.

Для весовых товаров наступал момент взвешивания, которое происходило на официальных весах с уплатой весчего сбора, причем воск взвешивался при церкви св. Ивана на Опоках,²² а цветные металлы — «на княжеских весах».²³

Передача товара из рук в руки обязательно происходила на территории немецкого двора. Скра четвертой редакции и все последующие предписывают немецкому купцу сперва полностью принять доставленный русским во двор товар, а затем только отпустить причитающийся ему эквивалент немецкими товарами.²⁴ После выноса товара за порог двора данная сделка считалась, как мы уже видели, окончательной и бесповоротно совершенной, и можно было приступать к следующей.

Оформление договора мены включало в себя следующие элементы: 1. Выражение обоюдного согласия на обмен определенного количества товара. 2. Закрепление договоренности символи-

²⁰ В книге приговоров таллинского магистратского суда 1515—1554 гг. определяется, что решение в ту или иную сторону одного торгового конфликта с русским купцом будет зависеть от того, подтвердит ли русский крестоцелованием, что оспариваемые им факты имели место именно до рукобития. Отсюда видно, какое большое значение придавал суд этому символическому акту при скреплении торговой сделки (W. Ebel. *Das Reveler Ratsurteilsbuch*, Nr. 826, S. 137).

²¹ В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 91, III, 35.

²² Памятники русского права, вып. 2, «Рукописание» князя Всеволода Мстиславовича, стр. 175—176, статьи 1, 4 и 5.

²³ «*uppe des koninges schale*» (В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 156—157, IV, 100; V, 102).

²⁴ «*Vortmer welick man van den Russen gut enfeit, de late sich sine tale vul tellen und betale den Russen nicht al, he en si van den alrest al betalet unde dat gut sal gan uppe des Russen eventure bet in den hof*» (В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 142, IV, 61; V, 71; стр. 188, VI, 44).

ческим обрядом (рукобитием). 3. Присутствие свидетеля (свидетелей). Договор исполнялся одновременными актами передачи и приема товаров сторонами. Оформлению договора предшествовал осмотр товаров. С момента выноса товара русскими за порог двора договор был уже нерасторжим. Никакой ответственности за качество товара продавец после этого больше не нес.

Описанный способ оформления договора мены (купли-продажи) не нуждался в письменной фиксации. Такой полностью бесписьменный период оформления акта мены в новгородской торговле ганзейцев продолжался до середины XV в. К этому времени возникает потребность в сохранении каких-нибудь следов той или иной сделки. Эта потребность возникает не столько у самих купцов, которым никто никогда не возбранял вести частным порядком записи о своих торговых операциях, сколько у ганзейских административных и судебных властей, которым было трудно следить за соответствием сделок их постановлениям и разбираться в условиях сделок во время судебных процессов, не имея перед собой объективных данных о дате сделки, о количестве и качестве товаров, их стоимости и т. п. С середины XV в. во дворе св. Петра в Новгороде появляются специальные должностные лица — маклеры, которым и было вменено в обязанность письменно регистрировать в своих памятных книгах все необходимые данные о совершаемых во дворе торговых сделках.

В. Шлютер опубликовал вместе с редакциями скры также и устав маклеров двора св. Петра в Новгороде. Этот устав носит дату 1452 г. и был записан в виде хирографа (см. далее) в количестве трех одинаково гласящих экземпляров, один из которых сохранился в любекском архиве.²⁵ Он содержит семь пунктов запретов и предписаний, в соблюдении которых маклеры должны были принести присягу.

Из первого пункта этого документа мы узнаем, что маклеры были подчинены как должностные лица какому-то магистрату (*dem gade*). Существует несколько предположений, что понимать в данном случае под этим словом. Л. К. Гетц полагает, что это «совет конторы (двора)», т. е. выборная администрация купцов.²⁶ В. Шлютер, помимо этого, считает возможным, что это магистрат города Любека.²⁷ Мы предполагаем, что скорее всего это магистрат города Тарту, так как в 1442 г. ганзейский съезд в Штральзунде поручил заботу о дворе Любеку, последний же перепоручил это дело ливонским городам, которые и руководили двором вплоть до его закрытия в 1494 г.²⁸; практически же этим делом занимались тартуские городские власти, заботившиеся о посылке во двор

²⁵ Там же, стр. 176.

²⁶ L. K. Goetz. *Deutsch-russische Handelsgeschichte...*, S. 143 f.

²⁷ В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 36.

²⁸ R. Hausmann. *Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod*. *Baltische Monatsschrift*, Bd. 58, Riga, 1904, S. 267.

священника и часто замещавшие из числа своих граждан важную должность заведующего хозяйством двора (hovesknecht).²⁹ Тартускому магистрату, по-видимому, и приносили присягу маклеры двора. Маклеры были, таким образом, независимы в своих действиях от переменного состава купцов, приезжавших во двор, и от выбираемых ими ольдерменов.

Далее устав рисует нам маклера как официальное лицо, в деятельности которого переплетались частноправовые и публично-правовые функции. Маклер должен был: 1) сводить купцов для торговли; 2) допускать только законные сделки; 3) записывать данные о сделках; 4) выступать перед судом как свидетель сделок; 5) соблюдать в случае необходимости перед другими купцами тайну об условиях сделок своих клиентов. Маклер, следовательно, имел, кроме функции подыскания и «сведения» контрагентов для купли-продажи товаров, еще функции торгового инспектора и, что наиболее важно для нашей темы, нотариальные функции, состоявшие в письменной фиксации условий сделок и в подтверждении фактической стороны сделок перед судом.³⁰ Но при всем этом записи в маклерской книге не являлись формальным актом, они служили лишь для сохранения в памяти имен участников, свидетелей, количества товаров и условий сделок.³¹

Ф. Френсдорф отмечает, что посредничество было первоначальной функцией маклеров, нотариальная же их функция развилась лишь позже и превратила маклера из вольного «сводника» в официальное лицо, регистрирующее сделки и выступающее перед судом.³² В средневековой Западной Европе маклерство раньше всего появилось и развилось в Италии.³³

²⁹ Во второй половине XV в. заведующий хозяйством стал наиболее авторитетным администратором двора, которому поручалось даже вести переговоры с новгородским правительством [M. Gurland, Der St. Peterhof zu Nowgorod (1361—1494). Innere Hofverhältnisse. Diss., Göttingen, 1913, SS. 40—51].

³⁰ Важность маклерского института для судей и обвиняемых хорошо иллюстрируют отчет нескольких любекских купцов своему магистрату о перенесенных ими мытарствах перед рижским судом (LUB, Bd. XI, № 621, S. 341) и письмо немецкого двора в Новгороде 1431 г. с обвинением одного купца в незаконной операции с нарвской солью во время ганзейского запрета торговли (LUB, Bd. VIII, Riga—Moskau, 1884, N 431). В обоих случаях единственным свидетелем, на которого ссылались обвиняемые, был маклер, а суд мог только от него ожидать наиболее объективного изложения дела.

³¹ О письменных неформальных способах документации договоренностей и сделок в Древней Руси см.: С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. Вспомогат. истор. дисциплины, М.—Л., 1937, стр. 289—291.

³² F. Frensdorff. Der Makler im Hansagebiet. Festgabe der Göttinger Juristenfakultät für Ferd. Regelsberger, Leipzig, 1901, S. 310.

³³ L. Goldschmidt. Universalgeschichte des Handelsrechts, Bd. I. Geschichte des Handelsrechts der romanischen Region, Stuttgart, 1891; Neudruck — 1957, Meisenheim a/Glan, SS. 250—253.

Наличие официального маклера при дворе предполагает обязательность его привлечения при заключении сделок между русскими и ганзейцами, пользовавшимися двором. Решение съезда ливонских городов в Пернове (1465 г.) и в Вольмаре (1468 г.) обязывает немецких купцов при торговле с русскими прибегать к услугам маклеров.³⁴ Предписание пользоваться маклером при сделках на сумму свыше двух рублей было включено в шестую редакцию скры, за нарушение грозил штраф в десять марок серебра.³⁵

Мы полагаем, что только с 1452 г., с издания маклерского устава, можно говорить о появлении маклера как официальной должности в ганзейском дворе в Новгороде. Более ранние упоминания имеют в виду маклеров иного рода. Так, в постановлении объединения немецких купцов на Готланде (для новгородского торгового двора), датированного началом XIV в., содержится специальная статья, запрещающая деятельность маклеров на территории двора. Эти постановления были напечатаны и переведены И. Е. Андреевским в составе второй скры. Приводим текст перевода и оригинала первой части статьи о маклерах по этому изданию: «Во дворе не должно держать маклеров. Каждый, таким образом, должен торговать во дворе (свободно) как с князем, так и с другими людьми...».³⁶

Эта статья интересна особенно тем, что является реакцией голландской организации немецких купцов, которой в те годы было подчинено новгородское подворье, на мероприятия новгородских властей, имевших целью монопольно сосредоточить в руках новгородских купцов всю торговлю с немцами. Ведь с 1270 г. появляется в договорных грамотах Новгорода с князьями отдельный пункт, запрещающий князьям непосредственно торговать в немецком дворе и разрешавший там княжескую торговлю только при посредничестве новгородских купцов.³⁷ Также, по видимому, к этому времени была запрещена в Новгороде прямая торговля с немцами и купцам, приезжавшим туда из других русских городов, т. е. гостям. Именно таких гостей следует подразумевать под «другими людьми», названными наряду с князем в обсуждаемой статье. А. И. Никитский предполагает, основываясь на более позднем свидетельстве полоцких купцов, что их «Новгородци не пустят у Немецький двор торговати без

³⁴ «Ock sal nen Dutsche kopslagen mit Russen ane mekeler...» (HR, 2. Abt., Bd. VI, Leipzig, 1890, Nr. 62, § 3).

³⁵ В. Шлютер. Новгородская скра..., стр. 180, VI, 10.

³⁶ «Men ne scal oc negene mekelere in deme hove holden. En jewelk man scal also kopslagen in deme hove, it si mitteme koninge oder mit den anderen luden...» (И. Андреевский. О договоре Новгорода..., стр. 118—119, статья 9), у В. Шлютера см. этот текст на стр. 118—119, статья 9.

³⁷ «А вѣ Немецькомѣ дворѣ тобе торговати нашею братиею» (ГВНП, № 3, стр. 13).

своего Новгородца», наличие в Новгороде нескольких маклеров, избранных новгородскими купцами из своей среды, при помощи которых и через которых должны были торговать князья и русские гости с немцами.³⁸

Запрет княжеской и гостевой торговли был выгоден новгородцам, но нежелателен для немецких купцов как ограничение возможностей их торговой деятельности в городе и как уничтожение публичности, т. е. общедоступности их гостиного двора. Пользуясь поэтому экстерриториальностью своего двора, они решили не соблюдать в ограде двора запретов княжеской и гостевой торговли, изданных новгородскими властями. По этой причине и была включена в сборник постановлений для немецкого двора обсуждаемая статья. Речь идет в ней в общей форме о маклерах, но направлена она не против маклеров-нотариусов, которых тогда в немецком дворе еще не существовало, не против маклеров-переводчиков из немцев, помогавших разноязычным партнерам совершать сделки, но единственно против тех новгородских купцов, которые с последней трети XIII в. стали обязательным промежуточным звеном при торговле немцев с князем и гостями из других городов. Они-то и названы в немецком запрете маклерами, которых не должно терпеть в дворе св. Петра.³⁹

Цель включения в постановление обсуждаемой статьи указана ее же авторами в ее последней части, которую в силу изложенного следует теперь толковать несколько иначе, чем это делал И. Е. Андреевский, у которого мы читаем, что торговля с князем и другими людьми свободна, «только чтобы оттого не причинялось вреда св. Петру и дворовой общине.⁴⁰ При таком переводе предложение имеет ограничительный смысл, в действительности же оно содержит формулировку цели недопущения во двор (русских) маклеров и разрешения немецким купцам свободной торговли с князем и другими людьми. Поэтому более точным переводом конца статьи можно считать: «... чтобы

³⁸ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, стр. 149.

³⁹ С совершенно аналогичным употреблением слова «маклер», но уже в русском языке, в смысле купца, имеющего привилегию в первую очередь перед другими скупать у иностранных гостей товары (нижненем. — *vorkeeper*), мы встречаемся несколькими веками позже в договоре, заключенном Иваном Грозным с Данией в 1562 г. Чтобы обеспечить действительно свободную торговлю русским купцам в Дании, там зафиксировано: «и торговати и меняти всякими товарами без вывета кому ж самому с самими с королевства Датского людьми и с заморскими людьми добровольно во всякой поволности, безо всякого насилвания; а меклирем и веркопером на обе стороны отнюдь у них не бывати» (Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. Русская историческая библиотека, т. XVI, СПб., 1897, № 20, стр. 72).

⁴⁰ «... dat sente Peter dar umbesweret van blive unde de hof gemeyne» (А. Андреевский. О договоре Новгорода..., стр. 118—119, статья 9).

св. Петр [то есть организация немецких купцов двора] не терпел от этого [от соблюдения новгородского запрета гостевой торговли] убытков, а двор остался открытым для всех [gemeine — досл. „общим“]».

Можно предположить, что, несмотря на это противодействие, немцам не удалось сохранить свободную торговлю с князем и русскими гостями, так как данное постановление не было включено в последующие редакции скры, в то время как запрет непосредственной торговли князя в немецком дворе повторяется в договорных грамотах с князьями вплоть до прекращения новгородской самостоятельности.

Вследствие допущения Ганзой в торговле немецких купцов с русскими только простых форм торговли, сложившихся еще в XII—XIII вв., в новгородско-ганзейской торговле могли развиваться лишь соответственно простые способы оформления договоров мены (купи-продажи). До середины XV в. договоры оформлялись только устно. С середины XV в. начинается обязательная фиксация присяжными маклерами условий договоров, но записи в маклерских книгах служили только для сохранения в памяти данных о сделках. Таким образом, формы торговли практикуемые в ганзейских гостиных дворах на Руси, не вызвали потребности в составлении формальных актов договоров.

С необходимостью письменного оформления более сложных договоров купли-продажи с западными купцами новгородцы могли встретиться только в случае торговой сделки в кредит, а таковая из-за запретов Ганзы была возможна лишь в городах, которые не были членами этого союза. Из таких городов самыми близкими были Выборг и Нарва. Особенно в последней ливонские и северогерманские купцы вели оживленную торговлю с русскими без соблюдения запретов и регламентаций, издававшихся съездами ганзейских городов.

В Нарве часто слагалась такая ситуация: русский купец привозил в Нарву ценный товар, но его немецкий контрагент не имел в данный момент того товара, который был нужен русскому в обмен. Подобное положение способствовало сделкам в кредит. Русский купец передавал немцу свой товар, а немец обязывался к определенному сроку доставить в определенное место требуемые русскому товары в договоренном количестве. Эта сделка обязательно требовала письменного оформления.

Описание такой торговой операции, приведшей к конфликту, мы находим в грамоте властей Великого Новгорода кольванскому (таллинскому) магистрату с требованием суда над кольванцем Иваном Амбуром, не выполнившим договоренной поставки товаров новгородцу Кузьме Ларионовичу. Грамота датируется из-

дателями XV в., не позднее 1439 г. Амбур принял у Кузьмы Ларионовича в Ругодиве (Нарве) партию соболей, беличьих шкурок (тройничь) и камки, за что обязался отпустить приказчику Кузьмы, который должен был прибыть на ладье первой водой в Таллин, 10 ластов «молодого», т. е. солода, 14 ластов жита и три шиффунта пшеницы. Обязательство носило в данном случае односторонний характер и было оформлено письменно: ливонец выдал новгородцу документ, названный в источнике «записной грамотой», в которой он подтверждал срок, ассортимент товара и другие условия своей поставки.⁴¹

Для нас в данном известии важно то, что этот русский источник констатирует факт возможности в Нарве письменного оформления торговой сделки между новгородцем и бюргером ливонского города в кредит с обязательством поставки ливонцем через определенное время соответствующего эквивалента заказанных русским купцом товаров. То, что такие сделки совершались в Нарве очень часто в обход ганзейских гостиных дворов, мы узнаем из неоднократных жалоб по этому поводу, встречающихся в переписке ганзейских городов.⁴²

Если разобранное только что письменное оформление договора купли-продажи было вызвано характером сделки, а именно тем, что она заключалась в кредит, то теперь мы переходим к рассмотрению письменного договора, вызванного характером самого товара. Существовали товары, специфические свойства которых не допускали оформления договора купли-продажи лишь устным волеизъявлением сторон плюс символический обряд или запись в памятную книгу маклера. Это такие товары, качество которых не может быть окончательно определено непосредственным наружным осмотром при покупке. Их пригодность для определенной цели может быть установлена лишь через некоторое время испытанием на практике.

Из товаров, требовавших усложненного договора, объектом международной торговли по балтийскому торговому пути стали семена репчатого лука (так называемая чернушка), которые часто привозились ганзейскими купцами из Нидерландов и Франции для продажи в Англию, скандинавские страны и Псковскую землю.⁴³ Сохранился и опубликован уникальный документ, в котором подробно описано оформление псковским купцом в городе Нарве в 1479 г. очень сложного письменного договора купли-продажи, объектом которого как раз и была оптовая покупка семян лука. Перевод этого источника дан в приложении к настоящей статье.

⁴¹ ГВНП, № 69.

⁴² L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte..., SS. 361—369.

⁴³ Примеры о завозе семян лука см.: в Таллин — HUB, Bd. IV, Leipzig, 1905, № 995; в Нарву — LUB, Bd. XII, № 749; в Псков через Ригу — Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским. СПб., 1868, № 381, стр. 376.

Документ этот представляет собой письмо нарвского магистрата в его судебной функции магистрату города Таллина, который представлял собой для Нарвы апелляционную судебную инстанцию.⁴⁴ Магистрат Нарвы просит принять решение по иску псковского купца Яким к одному нарвскому бюргеру, у которого Яким купил бочку семян лука на следующих условиях: если семена окажутся негодными, то пскович имеет право в течение трех недель после праздника троицы привезти их в Нарву, вернуть продавцу и получить обратно уплаченную за них сумму (семь серебряных платежных рублевых слитков). Эта для того времени очень значительная денежная сумма говорит нам о том, что покупка была действительно оптовой и что на этот товар в Псковской земле с ее «огородниками», как там называлась часть зависимого сельского населения, был большой спрос, удовлетворить который и получить при этом соответствующий барыш надеялся Яким. Но семена оказались некондиционными, псковский купец успел в договоренный срок их привезти обратно в Нарву, однако его немецкий контрагент отказался выполнить договор и вернуть деньги, а после того как Яким обратился в магистратский суд и тот вынес на основе любекского права соответствующее решение, нарвец не представил суду свой противень и опротестовал приговор, что и дало повод к апелляции в Таллин.

Договор Яким с нарвцем Германом Гаппе был оформлен при помощи особого вида письменного документа, носившего название хирограф (греч. *χειρογράφη* — досл. «рукописание»). Особенности этого способа документации состояли в следующем. Один из участников сделки, обычно бравший на себя в ней большее обязательство, собственноручно писал или поручал кому-нибудь написать на куске пергамента два раза совершенно одинаковый текст договоренности о сделке, оставляя между обоими текстами незаполненный промежуток. В этом промежутке в XV в., как правило, крупно писали строчку букв начальной части алфавита, а затем по этой строчке отрезали волнистой или зубчатой линией один текст от другого. Если было необходимо, то таким же образом писали и разрезали три одинаковых текста обязательства. Каждому из контрагентов вручалась одна часть документа. В случае конфликта и судебного разбирательства можно было доказать неподдельность каждой части, складывая их по линии разреза, причем должны были восстановиться зигзагообразно разрезанные буквы между текстами. Собственно говоря, буквы и зигзагообразный разрез были при оформлении такого документа излишествами, так как и без них почерк и совпадение содержания текстов могли служить достаточным доказательством идентичности обеих частей документа, но по традиции буквы и фигурная

⁴⁴ HUB, Bd. X, Halle, 1907, N 752.

линия разреза продолжали оставаться характерными элементами хирографа в среде нижненемецкого купечества и в XV в.

Если предъявлялась только одна половина хирографа, то она не имела перед судом силы доказательства; такой случай мог произойти, когда вторая половина документа была утеряна или же когда ответчик с целью затягивания процесса умышленно не представлял суду свою половину. Поэтому наиболее заинтересованная сторона имела обыкновение депонировать свой экземпляр хирографа в официальном месте, выполнявшем нотариальные функции — в городском или церковном архиве, в княжеской канцелярии и т. п.⁴⁵

Оформление договора в виде хирографа не должно было казаться псковскому купцу Якиму чем-то новым и необычным. С очень сходным оформлением обязательств он встречался уже у себя дома в Пскове. Если обратиться к Псковской судной грамоте, последнюю переработку которой исследователи относят к 1462—1471 гг., т. е. ко времени жизни купца Якима, то мы найдем, что в Пскове, кроме способа устного оформления договора и письменного договора на «доске», были очень распространены договоры, оформленные при помощи «записей». «Запись» — это документ, который напоминал хирограф тем, что изготовлялся в двух экземплярах, один из которых помещался на хранение в «ларь при св. Троице», т. е. в государственный архив Псковской боярской республики. Этот экземпляр в русской историко-юридической литературе обычно называется копией.⁴⁶ Такая «запись», предъявленная суду, рассматривалась только тогда как формальный документ, не подлежащий оспариванию, когда при сличении с экземпляром, хранившимся в «ларе», оба текста совпадали. Так, например, в статье 38-й Псковской судной грамоты написано, что если кто-нибудь будет требовать у должника возврата ссуды и предъявит долговую расписку, называемую «рядницей», «а противу той рядницы не будет во святой церкви в лари в теж речи другой», то предъявленная кредитором рядница не имеет доказательной силы.⁴⁷ Аналогичное положение мы находим и в статье 32-й этого псковского кодекса.

Существовал в Пскове также тип частного акта, называемый прямо «рукописанием», что можно рассматривать аналогично немецкому Handschrift как перевод греческого термина «хирограф». В Пскове, в отличие от немецкого словоупотребления, термин «рукописание» имел более узкое значение, им называли только письменные духовные завещания. Но и рукописание-завещание могло выполняться в двух экземплярах, писанных скорее всего

⁴⁵ См.: Н. Bresslau. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien, Bd. I. Leipzig, 1889, SS. 503—511.

⁴⁶ И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота. М., 1951, стр. 72.

⁴⁷ Там же, стр. 76—77.

одной рукой, что подсказывает сам термин, причем второй экземпляр тоже сдавался на хранение в «ларь». Такая духовная называлась тогда «ларным рукописанием», как это видно из следующего примера: «А лежит ларное рукописание у Филипа» (Филип — имя «ларника», хранителя архива собора св. Троицы).⁴⁸

Таким образом, основные характерные черты хирографа, как выполнение его в двух экземплярах одной рукой, сдача одного из них на хранение в официальное место, обладание документом доказательной силы перед судом лишь в том случае, если будут предъявлены оба экземпляра и будет установлена их идентичность, были хорошо известны в Пскове и применялись при оформлении разных частных актов. Не упоминается только в русских источниках необходимость при оформлении этих актов писать их на одном листе, а затем разрезать фигурной линией по ряду букв. Но именно эти бросающиеся в глаза особенности западного хирографа, явно заимствованные от древней, но живучей бирки, были фактически очень мало существенными для доказательной силы этого типа документов, которая могла возникнуть лишь при совпадении содержания и почерка обоих экземпляров. Эту главную и рациональную из характерных черт хирографа мы и обнаруживаем в псковском способе оформления частных актов. Это сходство обусловило то доверие, с которым исковитянин Яким отнесся к нарвскому хирографированию при заключении своей довольно рискованной крупной торговой сделки.

Свой экземпляр хирографа Яким сдал на хранение в нарвский магистрат, Герман же сдал свою часть с той же целью ратману Иогану дер Мегеде. Кроме того, это же лицо получило на сохранение пробу семян, взятых Германом из этой партии, завязанных им в платок и запечатанных самим Якимом. Эта проба, как мы знаем, должна была служить для судебной экспертизы. Ратман Иоган, по-видимому, выступает здесь как авторитетный свидетель сделки, приглашенный сторонами, а не как официальное лицо городского управления — нотариус или маклер.

Как мы уже знаем, эта сделка повлекла за собой судебный процесс. Чем он кончился, об этом в источниках сведений не сохранилось. Скорее всего Яким добился удовлетворения своего иска. Но не в этом для нас суть данного судебного дела. Для нашей темы важно, что в торговой операции, которую провел в Нарве Яким, можно отметить следующие прогрессивные по сравнению с ганзейским стандартом моменты: 1) сделка Якима уже не мена, а покупка товара за деньги; 2) сделка оформляется сложным типом договорного акта, сдаваемого на хранение в учреждение с нотариальными функциями; 3) договор признает

⁴⁸ Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, грамота № 31, стр. 71; см. также статью 14-й Псковской судной грамоты (И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 140).

право покупателя в течение определенного срока в случае некондиционности товара расторгнуть договор купли-продажи и получить обратно свои деньги; псковский купец Яким применяет при сделке личную печать.

Здесь следует еще остановиться на очень важном для покупателя праве расторжения договора купли-продажи при обнаружении недоброкачества товара с последующим возвращением товара продавцу, а денег — покупателю. Это право, зафиксированное в собраниях законов всех европейских стран XIX в., было отнюдь не общепризнанным в торговом праве средневековых немецких городов, торговавших с Русью.

Следует иметь в виду, что правовые нормы купли-продажи в кодексах ганзейских городов выросли из древних торговых обычаев, существовавших при примитивном товарообмене на местных рынках и ярмарках. Покупатель там видел товар, который собирался купить, имел право его осматривать. Поэтому он сам был виноват, если скреплял каким-нибудь символическим действием сделку и приобретал товар, не заметив его недостатки. Права расторжения сделки после этого он уже не имел. Древнейшая норма обычного права немецких купцов, зафиксированная около 1000 г., гласит, что сделка купли-продажи на ярмарке нерасторжима независимо от того, справедлива ли она или несправедлива.⁴⁹

Таковыми же представлениями пронизаны и нормы, включенные в уставы и правовые кодексы крупнейших торговых городов Ганзейского союза, в том числе и Любека. Любекское право было кодифицировано в XIII в. и в таком виде действовало до 1586 г.

В Гамбургском праве совсем ясно сказано: «Если некто купит какой-нибудь товар и осмотрит его и унесет в свой дом, то за этот товар он обязан заплатить».⁵⁰

Только при купле-продаже скота такая норма оказывалась нежизненной. Обычное право, а позже и кодифицированное разрешали аннулировать покупку, если купленная голова скота оказывалась больной.⁵¹

Аналогичная норма имела и в Псковской судной грамоте, где в статье о покупке коровы сказано: «А толка корова кровью помачиватся имет, ино тая корова назад воротить, чтобы и денги заплачены были».⁵²

Таким образом, правовые кодексы крупнейших городов, торговавших на Балтике, отражали только очень древнее состояние местных рынков и не учитывали проблем и ситуаций, возникавших в результате международного товарообмена.

⁴⁹ W. Ebel. Lübisches Kaufmannsrecht. . ., S. 9.

⁵⁰ Fr. Conze. Kauf nach hansischen Quellen, Diss., Bonn, 1889, S. 94.

⁵¹ Там же, стр. 100—102.

⁵² И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 192.

В XIV—XV вв. торговые связи сильно развились, расширился ассортимент товаров, стала ощущаться потребность в более квалифицированной форме торговых сделок. Право возврата некондиционного товара стало, кроме как при покупке скота, применяться и при некоторых других товарах. Кодифицированное право отставало от практики. Только в «Ревизированном любекском городском праве» 1586 г. появилась статья, устанавливавшая право покупателя аннулировать сделку, даже если он уже перенес товар в свой дом, если недостатки товара не могли быть установлены органами человеческих чувств в момент покупки.⁵³

На этом фоне становится особенно ясным, что покупка псковича Якима, совершенная им в Нарве во второй половине XV в., была оформлена очень прогрессивным и сложным типом договора купли-продажи.⁵⁴

Ганза допускала в своих гостиных дворах на Руси лишь архаичные формы торговли — мену товара на товар, с полным запретом всех видов кредита. Поэтому в официальной русско-ганзейской торговле могли развиваться соответственно только простые формы договоров мены, заключаемые устно и скрепляемые рукобитием при свидетелях, без права расторжения договора из-за обнаруженной после недоброкачества товара. С середины XV в. вводится обязательная запись условий договоров в книги присяжных маклеров, но эти записи не были формальными актами и служили исключительно для памяти.

Напротив, в местах встречи русских и немецких купцов, где отсутствовал контроль Ганзы, как например в Нарве, развивались прогрессивные формы торговли с оплатой товаров деньгами и с применением кредита. Эти формы торговли требовали более сложного оформления договоров купли-продажи. Договоры могли оформляться здесь письменно в виде «записных грамот» и хирографов с депонированием одного экземпляра в официальном учреждении. В договорах допускалось соглашение о расторжении сделки через определенный срок вследствие обнаружения недоброкачества товара.

⁵³ Fr. G. v. Bunge. Die Quellen des Revaler Stadtrechts, Bd. I. Dorpat, 1844, S. 158.

⁵⁴ В текст русско-ганзейских торговых договоров статьи об обязательной замене продавцом недоброкачественных товаров (серебра и воска) впервые включаются в 1514 г. См.: Собр. государственных грамот и договоров, ч. V, М., 1894, № 65, ст. 2 и 5.

**ПИСЬМО НАРВСКОГО МАГИСТРАТА РЕВЕЛЬСКОМУ
ОТ 29 ИЮЛЯ 1479 г.**

Перевод сделан со средненижненемецкого текста письма, опубликованного в «Hansisches Urkundenbuch», Bd. X, Halle, 1907, № 752.

«...мы просим Ваше степенство благосклонно принять к сведению, что к нам на заседание магистрата с опротестованным [нашим] судебным приговором пришли пскович по имени Яким (Jakime) как одна сторона и Герман Гаппе (Herren Harpe), бюргер здешнего города, как другая сторона.

Этот русский [некоторое время тому назад] предъявил через [наш суд] [выше] названному Герману иск по поводу бочки семян репчатого лука (von wegen ener tunnen sipollensades), которую Герман продал русскому за семь рублей серебра (7 stücke sulvers) * в [исполнение] честной и правильно оформленной торговой сделки как доброкачественные и свежие семена, которые должны прорасти. Герман условился с русским, что если данные семена окажутся негодными и русский спустя три недели после троицы опять придет сюда в город и привезет эти семена обратно Герману, то он их примет и вернет русскому деньги. [На основании этого] русский в договоренный срок привез обратно эти семена и заявил, что они недоброкачественные. Герман же теперь не хочет, вопреки условию, принять обратно семена, и русский депонировал эти семена у судьи (voget**) здесь в городе.

[Следует иметь в виду], что этот самый Герман, сверх того, своей собственной рукой написал хирограф (hantscript) о данной сделке и о [дополнительном] условии к ней, отрезав один экземпляр от другого (ene cedula uth der anderen gespeden); одну половину [этого документа] русский депонировал в магистрате, другую половину Герман, как он заявляет, передал [на хранение] господину Иогану дер Мегаде, ратману. [Далее] этот самый Герман для большей надежности взял пробу этих семян и завязал ее в платок, который был [затем] запечатан упомянутым русским. Эту пробу Герман также оставил у [выше] названного господина Иогана.

Мы потребовали от Германа, чтобы он принес [свою] половину к другой половине [документа], а также и пробу семян. Он же

* stücke sulvers — дословно «куски серебра», так ганзейцы называли русские платежные слитки из чистого серебра, в данном случае скорее всего новгородского веса (около 200 г).

** Этим термином в Нарве называли двух разных независимых друг от друга должностных лиц: во-первых, начальника нарвского орденского замка и относящейся к нему территории, во-вторых, городского судью из членов магистрата. В данном случае речь идет о городском судье, так как орденский фогт имел свою резиденцию не в городе, а в замке (slot).

не хочет представить [нам] всего этого и заявляет, что он якобы по желанию русского имел с ним [еще дополнительную] договоренность и уступил из денежной платы 2 марки монетами (2 mark schin ***), чтобы русский оставил за собой семена [при любом их качестве] и дело обошлось бы без конфликта и жалобы.

На это русский отвечает, что если бы у него была с Германом такая договоренность, то он не имел бы права взять свою [половину] хирографа, и не запечатал, и не оставил бы пробу семян у Германа.

По вышеизложенному [делу] наше суждение и решение на основе любекского права [является следующим]: Герман [должен] представить свою [половину] хирографа и пробу семян, [что он, однако, отказался сделать], чтобы можно было испытать и проверить, доброкачественные ли эти семена или плохие. Если эти семена окажутся доброкачественными, то они должны остаться у русского, а деньги у Германа; если же семена окажутся недоброкачественными, то тогда Герман должен их принять обратно согласно условию договора и вернуть русскому деньги.

По этому [нашему решению] Герман апеллирует к Вашему степенству, и мы покорнейше просим, чтобы Вы вышенаписанный приговор по-доброму обсудили и приняли по нему решение и прислали бы его к нам по старому обычаю удостоверенным печатью.

Писано в Нарве в день короля Олафа святого и т. д. в 79 году. Бургомистры и ратманы города Нарвы.

В. Л. ЯНИН

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ XV В.

Цель настоящего исследования заключается в выяснении возможностей, которые грамоты на бересте предоставляют для изучения сложных процессов развития новгородской денежной системы XIII—XV вв. Существо проблемы состоит в том, что на протяжении указанного периода система денежных единиц Новгорода проделала длительный путь превращений, механизм которых остается совершенно неясным, поскольку базой этих превращений были не красноречивые в руках нумизмата монеты,

*** 2 mark schin — дословно «2 марки шкурками», соответствует русскому «2 марки кунами», т. е. монетами, употреблялось для обозначения, что речь идет не о платежных серебряных слитках (stucke), а о чеканенной мелкой монете.